

**ПОЮ, СЛАВЛЮ И БЛАГОДАРЮ ЗА ВСЁ
БОГА МОЕГО...**

Памяти преподобноисповедника Рафаила (Шейченко)

Девятнадцатого июня мы чтим память преподобноисповедника Рафаила (Шейченко) (1891-1957), удивительного подвижника, исполнившего в полной мере заповедь Христову «любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас (Лк. 6:27, 28)».

Отец Рафаил (в миру Родион) родился в Курской губернии в обычной крестьянской семье. Отец работал сапожником, занимался переплётным делом. Родион окончил церковноприходскую школу, учился в земском училище, работал, как и отец, сапожником. Будучи призванным в армию в 1913 году, окончил военно-ветеринарную фельдшерскую школу. Все эти профессии очень пригодились ему в дальнейшей жизни.

Ещё в ранней юности побывал Родион в Оптиной Пустыни паломником и трудником. Оптина произвела такое сильное впечатление на душу юноши, что память о ней он хранил и в армии, и на фронтах Первой мировой войны. Позднее он напишет о себе так: «От дней детства, под кровом родителя своего, я всей пылкостью чистой юной души любил и жаждал святого иноческого жития. Оно было мечтой детства и усладой юности».

Военные годы только укрепили веру и желание служить Господу. Вернувшись с фронта, молодой унтер-офицер попрощался с домашними и отправился в Оптину. Был принят в число братии и нёс клиросное послушание и послушание ветеринарного фельдшера.

Советская власть преобразовала монастырь в племенное хозяйство, но братия могла ещё трудиться и молиться в родной обители. В 1923 году окончательно закрыли монастырь, и монахи со слезами покидали родную Оптину, селились в Козельске на частных квартирах. Послушник Родион вспомнил ремесло сапожника и стал зарабатывать им на жизнь. Молодой человек вступает на путь исповедника, приняв в 1928 году, в страшное для верующих время, монашеский постриг. В этом же году отец Рафаил был рукоположен в иеродиакона.

Власти старались всячески притеснять монахов – «чуждый элемент», и зимой 1930 года отец Рафаил был принудительно мобилизован на лесозаготовки. Летом того же года ОГПУ обвинило группу оптинских монахов (и отца Рафаила) в антисоветской агитации и подстрекательстве крестьян к восстанию во время беспорядков, случившихся в Козельске на Духов день.

Отца Рафаила приговорили к десяти годам лагерей. Четыре года он провел в исправительно-трудовом лагере на Урале, затем был лагерь в Московской области. Здесь преподобноисповедник работал ветеринарным фельдшером при животноводческой ферме совхоза и жил в одном из пустых загонов для свиней. Питался тем, что давалось свиньям; и это ещё была милость Божия, так как другие заключенные не имели и такого дополнения к своему скучному рациону.

Находясь в лагере, отец Рафаил не скрывал своей веры. Во время свидания ему передали Евангелие, молитвослов, икону, а поскольку жил он отдельно, то мог беспрепятственно молиться, приглашая иногда к себе некоторых из заключенных собратий.

Оперуполномоченные НКВД, в конце концов, решили, что оптинский монах ведёт слишком активную религиозную жизнь. До окончания срока оставалось четыре года, но этот срок продлили и, по решению суда, отправили молитвенника в отдалённые северные лагеря: сначала в Мурманск, а затем в Усольлаг в Соликамске Пермской области.

Из заключения отец Рафаил освободился только в 1943 году. Сначала в Козельске жить не разрешили и вернуться туда, ближе к милой Оптиной, удалось только в 1944 году.

В этом же году он был рукоположен и назначен, согласно просьбе двадцатки, настоятелем Благовещенской церкви. С этого времени началась многотрудная пастырская деятельность иеромонаха Рафаила.

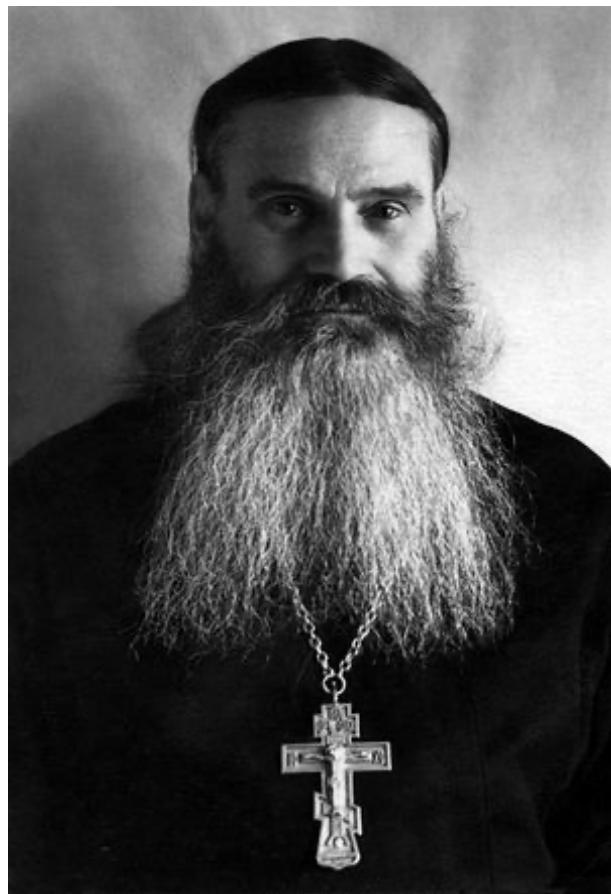
Храм Благовещения был сильно поврежден, а колокольня снесена до основания. Отец Рафаил стал служить в насконочном отремонтированном приделе, тратя много сил на восстановление храма. Поскольку строительную технику было тогда достать невозможно, то строили вручную. К 1949 году храм почти восстановили и поставили иконостас.

Отец Рафаил был человеком великой любви и жалости к людям. Приехав в Козельск, он стал заботиться о состарившихся и немощных сестрах Шамординского монастыря, многие из которых тоже вернулись из ссылок. Душа его вмещала всех, кто нуждался в помощи, люди шли к нему, как к родному отцу, и всех он согревал своей любовью.

Много было и не монашествующих, но просто исстрадавшихся от многообразных трудностей, и для каждого в его душе находилось тепло. Верующие стали обращаться к отцу Рафаилу как к духовнику, со многими у него завязались близкие духовные отношения, которые нашли своё отражение в письмах.

Власти установили тщательную слежку за ревностным пастырем, его стали часто вызывать в местное отделение МГБ. Сделали своё чёрное дело и доносы завистников и недоброжелателей.

Было составлено обвинительное заключение. Отца Рафаила обвинили в антисоветской агитации, в том, что он «среди отсталых верующих и монашеского элемента пользуется большим авторитетом». Осенью 1949 года Особое Совещание приговорило его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере Вятлаг.

Почти все близкие к отцу Рафаилу прихожане были убеждены, что в его страданиях повинны ставший после его ареста настоятелем отец Сергий (Шумилин) и бывшая староста храма Наталья. Сам же отец Рафаил просил благословить их и молиться за них, а никак не ругать, умолял своих духовных чад «простить Наташу» (которая прислала ему покаянное письмо о своём грехе доносительства).

Он писал духовным дочерям: «Детка Тоня! А за то, что ты носишь в сердце своё змею неприязненного чувства к отцу Сергию, и даже как ты пишешь: «Не простила и, наверное, никогда не прощу!» – за это не похвалю. Это чувство не христианское и гибельное для души».

«...И мы с тобою грешные, нуждаясь в прощении грехов, молимся: “Отче наш, иже еси на небесех... и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим”. Вот видишь, чтобы получить от Господа прощение, впредь надо самому простить. Итак, дорогое дитя мое, прошу и за меня, и за себя – не сердись ни на кого, а тем более, на отца Сергия, как не сержусь ни на кого я и всем простили в самый час скорби моей ещё одиннадцатого июля, и сейчас, как и до самой смерти, буду о них молиться не яко за врагов и обидчиков своих, а яко о благодетелях спасения моего, – да помилует и спасёт их Господь. Поступи и ты так же, и воцарится в душе твоей мир и покой, а в этом всё счастье человеческое на земле.

...А то, что совершилось со мною, то это все не по хотению человеков, а по воле Божией – ко спасению моему, и этой воле Божией я покорен на все виды страданий и смерти, где и какова она ни будь. Со словом на устах и в сердце, с каким умер в изгнании святитель Иоанн Златоуст: “Слава Богу за все!”»

«Чадо! Прошу не огорчайся и не сетуй на Наташу, как не огорчаюсь ни на кого я. Кто весть пути и судьбы Господни? Разве Сыну Божию подал чашу Каиафа или Пилат, или Иуда, предавший его? Нет, Отец Небесный. Мой долг не судить, а простить всех, всех и за всё...

*Простить врагу – святое дело,
Но кто в беде помог врагу,
Вот про того сказать я смело,
Как про подвижника могу!*

Отцу Сергию скажи: “Если судит Господь живу мне быти и возвратиться, то одной милости буду просить у всего народа – быти ми сторожем святого храма Божия и дома Матери Божией – и только”...»

Отец Рафаил без ропота нёс крест исповедника, молился за всех духовных чад, и даже за гонителей. О пребывании в лагере старец писал своему духовному чаду так: «...Мы здесь 40-бо человек, как в улье пчелы, добавь к сему игры, ругань, споры, зависть, озлобленность и многое другое – до потери человечности. Поверь, что жизнь в лесу, в пещере была бы для меня – отблеск Рая на земле. Но надо терпеть, смиряться и паче благодарить Господа, спасающа мя грешнаго...»

О терпении в скорбях своих старец писал:

«... Неужели аз, безумный, окаянный, ничтожнейший прах, дерзну просить от Господа к себе большего внимания, чем заслуживал того вселенский вития, украшение Церкви Христовой, её слава – святой Иоанн Златоустый, окончивший дни свои в изгнании? Да не будет!

Но своё пребывание под спудом, свое унижение и скорби не променяю ни на какие суетные радости, а свою умиленную, покаянную и радостную слезу – ни на какие чины, славу и сокровища мира сего. Но пою, славлю и благодарю за всё Бога моего, взывая купно со святым мучеником Евстратием: телесныя бо страдания, Спасе, суть веселье рабам Твоим! Грешный Рафаил».

Все хлопоты верующих об освобождении своего пастыря были безрезультатны. Центральная Комиссия по пересмотру дел оставила приговор в силе, так как, несмотря на репрессии, отец Рафаил не отказался от своих убеждений и в случае досрочного освобождения намеревался продолжить активную церковную деятельность.

Он был освобождён только в 1955 году, после того, как началось массовое освобождение из лагерей по неправосудным приговорам. Выйдя из заключения, начал служить в восстановленном им Благовещенском храме, где настоятельствовал отец Сергий. Отец Рафаил смиренно стал вторым священником в своём же храме.

Старцу было уже за шестьдесят, он был болен и слаб, но пережитые скорби приблизили его ко Господу, научили глубокому состраданию к людям. Он любил и почитал нищих, завещал это и своим духовным детям. Каждое воскресенье приглашал нищих к себе на чай.

Однажды он велел привести и напоить некую нищую чаем в день её Ангела. Нищая была слепой и не могла даже дойти самостоятельно, тем причиняя дополнительные хлопоты другим. Тогда одна из духовных дочерей отца Рафаила с упреком сказала: «Да ну, батюшка, очень уж это нужный товар!» На что он ответил: «Это самый нужный товар!»

Отец Рафаил старался как можно чаще служить, никому не отказывал в исполнении треб, хотя порой это было для него физически крайне утомительно, особенно, когда приходилось в дни ненастя ходить на кладбище и служить по заказу родственников почивших панихиды. Он безотказно принимал страждущих, духовно изголодавшихся людей, которые стали съезжаться к нему со всех концов страны.

Весна 1957 года выдалась холодная и затяжная. Хотя отец Рафаил чувствовал себя физически нездоровым, он нудил себя часто служить и принимал всех приходящих. Троицкую родительскую субботу он дотемна провёл на кладбище, люди просили его отслужить ещё и ещё одну панихиду, всем хотелось, чтобы именно этот смиренный исповедник помолился за их почивших сродников. А он, привыкший к самоограничению, к крайнему самоотречению, никому не отказывал.

И никто не заметил вовремя, что всеми любимый батюшка давно превысил меру сил человеческих и тяжело заболел. Вечером, когда отец Рафаил вернулся домой, стало ясно, что он болен воспалением лёгких. Духовные чада хотели позвать к больному старцу врача, просили на это благословения у настоятеля отца Сергия, но тот тянул и откладывал

столько, что всякая врачебная помощь стала уже запоздалой. 19 июня 1957 года старец скончался.

Оказавшись слишком внезапной, его кончина потрясла людей. Когда отца Рафаила хоронили, то гроб с его телом почти в течение целого дня двигался от дома до кладбища, столько людей хотело проститься со старцем.

Отец Рафаил был погребен на старом кладбище в Козельске. В 2005 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия его мощи перенесли на братское кладбище Оптины пустыни, а в 2007 году – в Преображенский храм Оптины.

Имя преподобноисповедника включено в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Отче Рафаиле, моли Бога о нас, грешных!

Ольга Рожнёва
19 июня 2014 г.